

УДК 94(470):321.1(045)

*И.В. Лисюченко***РЕСУРСЫ ВЛАСТИ ДРЕВНЕРУССКОГО КНЯЗЯ: БЕЗАЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ**

В ресурсы власти князей Древней Руси входило обеспечение их безальтернативности, что опиралось на особенности политико-правовой культуры исследуемого общества. Боярин никогда не мог сравняться с князем, что рациональными причинами объяснить невозможно: это наследие языческой старины. Чтобы достичь безальтернативности, древнерусские князья порой специально истребляли или изгоняли соперников, даже потенциальных. Любой представитель княжеского рода представлял собой опасность для своих родственников самим фактом своего существования. Иногда вечевые общины сами стремились обеспечить своим князьям безальтернативность, действуя не только в их интересах, но и в своих собственных.

Ключевые слова: Древняя Русь, ресурсы власти, княжеская власть, безальтернативность, вече, община.

Принимая Древнюю Русь как дофеодальное, общинное без первобытности государство, всякий исследователь, однако, задается вопросом, каким образом древнерусские князья приобретали и сохраняли свою власть, на кого или на что опирались. Вопрос этот чрезвычайно сложен и многоаспектен. В данной статье постараемся показать, что далеко не всегда князья опирались на военную силу или экономическую мощь. Порой не менее серьезным ресурсом власти, чем полки или богатство, были определенные императивы политико-правовой культуры, одинаково властные как над вечем (народом-войском), так и над лидерами страны – князьями и боярами.

Для древних русичей князь представлял собой значительную самоценность, понять которую, исходя из логики человека Нового времени, можно далеко не всегда. Объяснять все двусмысленной позицией бояр, выступавших против князя, но одновременно испытывавших потребность в князе как в классовом союзнике [50. С. 71], разумеется, нельзя: классового общества и государства на Руси тогда еще не существовало. Бояре, впрочем, как и князья, не чувствовали себя единой корпорацией с только им присущими интересами. Вслед за И. Я. Фрояновым относительно князей можно сказать, что они скорее сознавали себя как общность генеалогическая, нежели сословная или классовая. Примерно так же понимал положение дел в Древней Руси и А. В. Назаренко. Княжий «род», по словам Я. Н. Щапова, являлся патронимией с множеством архаичных черт, сохранявшихся в течение нескольких веков [46. С. 58; 33. С. 279; 49. С. 192-193].

Исследователи порой воспринимают князя как гаранта независимости общины. Посадничье же правление означало, что город уже зависит от другой общины. Данное утверждение Ю. В. Кривошеева [30. С. 16, 20], тоже включает в себе зерно истины, хотя, разумеется, было немало случаев, когда в зависимые общины, даже в небольшие, посылались не посадники-бояре, а лица княжеского достоинства. Однако существует пример посадника особого рода, явно не объяснимый рационально. В 1018 г., после поражения от Болеслава Храброго, «Ярославъ же оубежашъ 4-ми мужи Новугороду... Ярославъ же прибегшю Новугороду и хотяше бежати за море, и посадникъ Коснятинъ, сынъ Добрынь с Новгородъци расekoша лодье Ярославле, рекуще: «Хочемъся и еще бити съ Болеславомъ и съ Святополкомъ», начаша скоть събирати – от мужа по 4 куны, а от старость по 10 гривенъ, а от бояръ по 18 гривен. И приведоша Варягы, вдашаимъ скоть, и совокупи Ярославъ воя многы» [3. Стб. 143; 2. Стб. 130-131; 8. С. 62; 9. С. 129; 10. Л. 138об; 45. С. 104-105]. В данном случае нам интересно обстоятельство, не привлекавшее пока достаточного внимания ученых. Немалую роль в этих решающих событиях играл посадник: двоюродный дядя самого Ярослава, сын могущественного уя (дяди по матери) Владимира Святого Добрыни Малковича. Его политический вес был настолько велик, что неминуемо привел к конфликту со своим племянником. Повод к ссоре не известен, к тому же для нас серьезного значения он не имеет. В летописях, на которые опирался В. Н. Татищев, говорится о непослушании посадника, но такое объяснение, разумеется, слишком туманно. Тем не менее, в целом дело представляется нам ясным. Это и не феодальная усобица, как полагал В. Л. Янин. Но едва ли можно отрицать, что Константин Добрынич имел в государстве исключительное положение и уже потому представлял опасность для Ярослава. Ранние летописи вообще не сохранили сведений о дальнейшей судьбе боярина; известие об убийстве, как резонно отметил А. А. Горский, «оказалось опущено; очевидно, как явно дискредитирующее князя», лишь поздние источники сообщают, что князь разгневался на своего род-

ственника, послал его в заточение из Новгорода в Ростов Великий (по другим данным – в Муром) и через три года, в 1022 г., приказал убить на реке Оке. В Софийской I летописи об этом сообщается так: «Коснятинъ же бяше тогда въ Новегороде, и разгневался на ньвеликий князь Ярославъ, и поточи и въ Ростовъ; и на третіе лето повеле его убитивъ Муроме, на реце на Оце» [5. С. 134; 6. С. 77; 42. С. 146; 50. С. 56; 18. С. 96]. Несмотря на сохранение лишь в составе поздних сводов, следует согласиться с А. А. Шахматовым, относившим данный текст к XI в. (по необязательному для нас мнению ученого, к Древнейшему своду 1039 г. в редакции 1073 г.) [48. С. 466].

Тем не менее, несмотря на особое положение Константина в Новгороде, предательское убийство новгородцев в 1015 г. Ярославом [1. С. 174-175; 3. Стб. 140-141; 2. Стб. 127-128; 8. С. 61-62; 9. С. 127; 10. Л. 137-137об; 45. С. 101-102] и слабость последнего как полководца, община, вместо того, чтобы сопротивляться самостоятельно, в 1018 г. не допускает бегства князя. Из этих событий можно сделать вывод, что ей действительно нужен был князь как таковой, вне зависимости от его личных качеств, причем его не могло заменить лицо не княжеского происхождения, пусть даже и находящееся в родстве с княжеским родом! Тем более, как отмечал С. М. Соловьев, в глазах народа не был равен князю «обыкновенный» посадник: за ним, по понятиям того времени и вопреки В. Л. Янину, всегда стоял князь [40. С. 196; 50. С. 64]. В. Л. Янин и, насколько можно понять, Г. М. Филист, довольно часто не видели серьезной разницы между князем и посадником [50. С. 47, 51, 55, 56, 97-98, 102, 104; 43. С. 5, 20, 21, 25-26, 38-40, 53, 88]. Но это точка зрения людей нашего времени, а не древних русичей, явно считавших по-другому, исключая, конечно, то относительно раннее время, когда князь – как член княжеской династии – мог быть посадником другого князя, то есть сам термин «посадник» ещё не получил позднейшего, привычного нам значения. Так, под 1015 г. читаем, что «Ярославу сущу в Новѣгородѣ, и оурокомѣдающе 2000 гривень от года до года Киеву, а тысящу Новѣгородѣ гривень раздаваху, и тако даху вси посадницѣ Новѣгородьстии, а Ярославъ поча сего не даяти Киеву ѿтыцю своему» [2. Стб. 114-115; 3. Стб. 130; 8. С. 58].

Нашему выводу не противоречит то бесспорное обстоятельство, что в XII–XIII вв., когда мы видим в Новгороде уже систематически ведущееся летописание, «для летописцев смены посадников» – но не тысяцких – «были одной из важнейших категорий событий, подлежащих обязательной фиксации» [17. С. 299, 301]. Интересно и то обстоятельство, что лиц, некогда бывших посадниками, в том числе умерших вне Новгорода, фактически – в изгнании, как Внезд Водовик (1231 г.), уже в первой половине и середине XIII в. летописцы, тем не менее, назывались посадниками. Может быть, они были лидерами своих концов, кончанскими старостами, как полагает, в частности, Т. В. Гимон, так что интерес к этим фигурам со стороны древнего книжника понятен [4. С. 50, 246, 71, 280, 82, 309; 17. С. 302, 304]. Но, исходя из последнего, вовсе не обязательно было, как нам кажется, называть их именно «посадниками». Таким образом, посадники имели, по крайней мере, в сознании летописцев, да и, как мы полагаем, в новгородском общественном сознании вообще, колоссальное значение. И на этом фоне – такой ужас перед бескняжьем уже в 1270 г.! После ордынского нашествия, когда Православие довольно глубоко проникло в народ, новгородцы, оставшись без князя, находясь в отчаянном положении, далеко не ради красного словца стали уповать только на Бога. Посол Новгорода так говорил врагу – князю Ярославу Ярославичу: «Княже, сдумалъеси на Святую Софью; поеди, атызьмремь честно за Святую Софью; у нас князя нетуть, но Богъ, и правда, и Святая Софья, а тебе не хочемъ». Согласно Московскому летописному своду конца XV в., религиозный оттенок в данном случае еще более усилен, ибо боярин заявил тверскому князю, что тот «здумалъ» «на Святую Троицю». Мы полагаем, что нельзя принять в данном случае мысль В. Л. Янина, который трактовал события 1270 г. как свидетельство намерения упразднить в Новгороде княжескую власть. Новгородцы явно были в настоящем ужасе, но даже татарский погром, как мы видим, страшит их меньше, чем бескняжье, ибо об Орде в данном тексте речь не идет. К тому же, перед этими переговорами они посылали за Дмитрием Александровичем, но неудачно [4. С. 89, 320-321; 7. С. 149; 50. С. 156-157]. Только всемогущество Бога может заменить им князя. На самом деле, борьба с князьями, как справедливо писал А. Ю. Дворниченко, – это борьба против конкретных лиц, а не против института княжеской власти [23. С. 296]. Бояре, надо отметить, также не боролись против нее, иначе поведение того же Володислава Кормиличича, севшего на княжеский стол, вообще не понятно [3. Стб. 728, 727, 730-731; 22. С. 33-34; 47. С. 154; 31. С. 123, 133-139].

Таким образом, назвать посадника официальным главой Новгорода может только человек Нового времени. Едва ли так полагал древний новгородец. В данной связи интересно и следующее наблюдение Т. В. Гимона: «Вероятно, когда походы возглавлял князь, об участии в них посадников и иных предво-

дителей новгородцев в большинстве случаев не сообщалось» [17. С. 304, 307]. Видимо, князь (как полагали, может быть, не отдавая себе в этом отчета, летописцы, вне зависимости от его личных качеств как полководца и воина, важнее всех иных лидеров). Разумеется, сказанное нуждается во внимательном и вдумчивом изучении. Но это не чисто новгородская черта. Народ в Киевской Руси не мыслил себе жизни без князя, поэтому прекращал сопротивление, когда князь, альтернативный нелюбимому, бежал или же был захвачен в плен. Так, в 1069 г., накануне решающего сражения с поляками Болеслава II, посаженный за семь месяцев до того киевлянами «Всеславъ, бывшу ноши, оутаився Кыянь, бежа из Белгородоакъ Полотъску. Заоутра же, видивыше людье бежавша князя, и възвратишася Киеву, и створиша вече». Далее они послали людей к Всеволоду и Святославу и без сопротивления выдержали репрессии, которым их подверг сын свергнутого ими Изяслава Ярославича Мстислав. М. Ф. Владимирский-Буданов полагал, что в летописном тексте в данном случае отразилось уже начало формирования в народном сознании понятия государственной измены: «людье» тогда послали Святославу и Всеволоду, «глаголющее: «Мы оуже зло створили есмы, князя своего прогнавшѣ» [2. Стб. 162-163; 3. Стб. 173-174; 8. С. 73; 16. С. 321]. Но, если учесть, что тогда не мыслили себе жизнь без князя, слова посланцев киевского веча открываются с другой стороны. Оставшись без такового в решающий момент, они оказались – разумеется, с их точки зрения, а не с точки зрения человека Нового времени! – в отчаянном положении и поневоле должны были каяться во всем, даже в том, в чем в другое время никогда бы не покалялись. В науке обычно, так или иначе, проводится мысль о том, что причиной поведения народа стало превосходство сил князей и репрессии против слабо вооруженных киевлян. Так и трактовали данные события польские источники, писавшие о покорении Руси Болеславом – «Великая хроника» и магистр Винцентий Кадлубек. Для М. Т. Мирончикова это образец борьбы «христианизированного городского патрициата и церкви» с князем-язычником. М. С. Грушевский объяснял ситуацию в Киеве в 1069 г. «упадком энергии» населения, что бывает тогда, когда массовое движение терпит неудачу. На основании данных событий А. Е. Пресняков делал вывод о слабости киевского веча. Но войны как таковой не было. Не находим мы и серьезной оппозиции жуткому князю-оборотню в самом Киеве. Таким образом, ближе всего к истине Н. И. Костомаров и Г. В. Вернадский, объяснявшие странное для человека Нового времени поведение киевлян тем, что они в решающий момент остались без князя [14. II, 12; 13. I, 13; 32. С. 23-24; 20. С. 73; 34. С. 169; 28. С. 179; 51. Р. 86]. Изяслав, иными словами, для Киева оказался безальтернативным, и только поэтому смог вернуть себе стол. Таковым же он стал и в 1077 г. после смерти брата Святослава, ибо другой брат (Всеволод) не захотел бороться с ним [3. Стб. 190].

Порой военные случайности лишали те или иные общины князей, и земли только благодаря этому вынуждены были принимать князей, не любимых ими, но безальтернативных. Так, в 1144 г. во время осады Галича Владимиром «выступи на не Иванъ с Галичаны, и много бишася, и побишаоу Ивана дружины много, и застоупиша и от града, и нелзе бѣше възвратитися емоу оу градъ, и пробеже сквозе полкъ к Доунаю, и оттоуда полемъ прибеже ко Всеволод оу Киевоу». В данном случае галичане бились без князя целую неделю, что следует охарактеризовать как значительное упорство. Но они все же «ноужею отворишася». Как мы видим, главную роль сыграла не военная сила или удача Владимирка, как писал Н. И. Костомаров, и не голод, как полагал В. В. Аулих. Нельзя согласиться и с Н. Ф. Котляром, что «Володимирко выбил Ивана из Галича» [3. Стб. 317; 28. С. 235; 15. С. 137; 29. С. 338]. Перед нами, скорее, военная случайность, превратившая Владимирка Володаревича в безальтернативную кандидатуру для галицкой общины. Наконец, в 1211 г. в той же Галицкой земле был еще более яркий случай подобного рода. Тогда «Звенигородцѣмъ же лютеѣ борющимся имъ» с врагами, «и не и не поущающимъ ко градоу, ни ко острожнымъ вратомъ». Итак, летописец подчеркивает особую преданность звенигородской общины своему князю Роману Игоревичу. Когда же им стало известно о его пленении, они не поверили этому. Однако, едва известие подтвердилось, звенигородцы тут же сдались [3. Стб. 725, 726]: воевать без князя они не видели смысла. Обращаясь к ситуации на Руси после смерти Владимира Святого, отметим, что, возможно, был прав и В. Д. Корольюк, отмечавший, что, останься Ярослав в Киеве, его еще можно было бы оборонять от Болеслава и Святополка [27. С. 248-249].

Когда князя не было, община могла призвать едва ли не любого попавшегося [28. С. 211]. Так, власть Даниила в Галиче после Ярославской битвы никто не оспаривал, ибо, как отмечал С. М. Соловьев, у него уже не было альтернативы. Напротив, существование иных претендентов на стол, как писал относительно полоцких Всеславичей Д. И. Иловайский, позволяло народу действовать свободнее [41. С. 168; 24. С. 298]. Не сражались вой и за непопулярного князя. В таком случае он не представлял собой серьезной альтернативы. Например, в 1139 г., как писал М. С. Грушевский, киевляне

не хотели Всеволода Ольговича, но и за Вячеслава Владимировича биться не желали. В результате Ольгович все же сел на стол [2. Стб. 306-307; 21. С. 154].

Потому часто князья специально добивались того, чтобы стать безальтернативными, что составляло один из ресурсов их власти. В частности, во многом аналогичные действия, как правильно заметил И. Я. Фроянов, совершали и Святополк Окаянный, и его враг Ярослав Владимирович. Убив трех своих братьев, Святополк «начапомышляти, яко: «Избью всю братью свою, и приму власть Русьскуюединь». Считать же данный текст позднейшей вставкой, как полагал Г. М. Филлист, нет оснований. В действиях усыновленного Владимиром Святым племянника мы видим явное отражение такой же политической программы [45. С. 619; 2. Стб. 139; 3. Стб. 126; 8. С. 61; 6. С. 74; 1. С. 35; 4. С. 558; 11. С. 46; 12. С. 12 (пагинация буквенной цифирью); 42. С. 144; 43. С. 67]. Сведения об этом сохранились и в сагах, но там они уже приписаны самому Ярицлейву конунгу [36. С. 97-100]. После смерти Мстислава Ярослав, по словам «Повести временных лет», остался самовластцем (или самодержцем, единовластцем) на Руси («посемь же перея власть его всю Ярославъ, и бысть самовластец Русьстей земли»), то есть просто единственным князем, как справедливо объясняли эти слова В. И. Сергеевич, В. О. Ключевский и И. Я. Фроянов [2. Стб. 150; 8. С. 70; 3. Стб. 138; 38. С. 59; 25. С. 180; 45. С. 619]. В том же 1036 г. Ярослав посадил в поруб единственного оставшегося в живых брата Судислава. Последний тогда княжил, по всей видимости, во второстепенном Пскове, хотя, строго говоря, прав А. А. Горский, отметивший то обстоятельство, что летописец говорил только о заточении последнего во Пскове, а не о княжении в этом городе. Судислав пробыл в заточении 23 года и был выпущен уже племянниками через пять лет после смерти брата. Далее, приведенный Ярославичами к кресту, он в том же 1059 г. постригся в монахи (едва ли добровольно, как замечали митр. Макарий и Г. М. Филлист) и умер в 1063 г. Причину заточения летописец видит в клевете: «В се же лето всади Ярославъ Судислава в порупъ, брата своего Плескове, оклеветанъ к нему». Имеет смысл, как минимум, сомневаться в вине Судислава. Пожалуй, только Н. Ф. Котляр полагал, что вина князя была тяжела и посадение его в поруб имело своей целью уничтожить сепаратизм местного боярства. Г. М. Филлист же видел причину заточения в том, что Судислав, как и народ, был противником недавно введенного христианства. У нас нет данных в пользу предположения С. М. Соловьева и Д. И. Иловайского, писавших, что Судислав высказывал претензии на вымороченные после смерти других Владимировичей земли, или же Ярославу так казалось. Не может быть доказана и гипотеза Р. Г. Скрынникова о том, что Судислав был единственным, по церковным правилам, законным претендентом на власть, как рожденный от сестры василевсов Анны, тогда как Ярослав родился еще в языческом браке. Суммируя высказанные в исторической науке мнения, следует, в любом случае, согласиться, что Судислав, о чем писал и В. И. Сергеевич, мешал и брату, и племянникам самим фактом своего существования, как возможная альтернатива, которую могли использовать те или иные политические силы [2. Стб. 151, 162, 163; 3. Стб. 139, 151, 152; 8. С. 65, 70; 40. С. 186; 24. С. 86, 96; 43. С. 40-41, 81, 91; 39. С. 75; 29. С. 125-126; 37. С. 161-162; 19. С. 86]. Для огромного, но непрочно-го государства само существование подобной альтернативы также было угрозой. Ярослав сыграл на опережение, укрепив, таким образом, свою власть. Из тех же соображений Глеб и Константин уже через два века, в 1218 г. перебили шесть своих родственников, чтобы завладеть всей Рязанской землей [4. С. 58; 2. Стб. 444, 502].

Иногда князь мог предпринять крутые меры против альтернативных кандидатур, ибо опирался на поддержку наиболее сильных в том или регионе общин, не желавших видеть в зависимых землях лиц княжеского достоинства. Так, по всей видимости, следует объяснить действия Андрея Юрьевича в 1162 г.: «Том же лете выгна Андрей епископа Леона исъ Суждаля и братью свою погна Мьстислава, и Василка, и два Ростиславича, сыновчасова, мужи отьца своего переднии. Се же створи, хотя самовластецбытивсеиСуждальскои земли» [3. Стб. 520]. В науке часто писалось о монархических тенденциях в политике этого правителя, в том числе и по образцу «византийской супрематии» (В. Л. Комарович, Б. А. Рыбаков) [26. С. 84; 35. С. 554]. Один из аргументов в пользу данной точки зрения заключается в том, что источники называют Андрея Юрьевича «самовластцем». Это слово, однако, порой было синонимично термину «единовластец» [41. С. 9]. Владимира же Святославича и Миндовга источники называют «самодержцами» [11. С. 43; 3. Стб. 858], явно имея в виду тот факт, что в то время в своих странах они были единственными правителями. В данной связи закономерен вопрос: может быть, подобный вывод следует распространить и на «самовластца» Андрея? Так полагал, к примеру, В. И. Сергеевич [38. С. 57-59]. С. М. Соловьев же отвечал на этот вопрос отрицательно. По его мнению, этот сын Юрия Владимировича стремился именно к самовластию, ибо выгнал из

своей волости не только братьев, но и передних мужей отца. Других же князей он стремился превратить в своих подручников. Вследствие властолюбия Андрей Юрьевич и погиб [40. С. 698].

Но правы ли они? По крайней мере, если Андрей и стремился к единодержавию, то его действия, может быть, и навеянные кое в чем византийским влиянием, не могли в те времена увенчаться успехом, ибо для этого было необходимо уничтожить вече, чего князь сделать не мог. Не отрицая того, что Андрей был, по всей видимости, лично властным человеком, иначе бы он, в частности, не стал бы изгонять «мужи отьца своего переднии», ближе всего к истине, видимо, И. Я. Фроянов, который указал на параллель между Ярославом и Андреем: оба они просто желали обеспечить себе безальтернативность [51. Р. 211, 220; 45.С. 619], но последний – скорее всего, – по воле наиболее сильных в Северо-Восточной Руси вечевых общин. К безальтернативности стремился и польский князь Болеслав Храбрый, изгнавший своих сводных братьев [44. С. 185]. По весьма вероятному предположению И. Я. Фроянова, вначале по той же причине не получали столов Давыд Игоревич и Ростиславичи, проживая у Ярополка Изяславича. Перемышль и Теребовль им не давали потому, что этого не хотела осильневшая владимирская община, не желавшая появления лиц княжеского достоинства в своих пригородах [45. С. 536].

Наконец, известен случай, когда князь победил едва ли не исключительно потому, что он – князь, пусть и непопулярный. В страшные, смутные времена, последовавшие после бегства Романовичей в Польшу перед лицом татар, «бояре же Галичстии Данила кназемь собѣ называхоу, а самѣ всю землю держахоу». Однако, у них не хватало авторитета, который уже изначально был у князя как наследника «земного бога» языческих времен, потому, когда начались внутрибоярские распри, они же обратились к тому же князю, – то есть к собственному лютому врагу! – как к верховному арбитру. По-иному, таким образом, они не мыслили, да и помыслить, учитывая традиционную политико-правовую культуру Древней Руси, не могли. Потому «и малоу же времени миноувшоу, прислаДоброславъ на Григора, река, яко невѣрѣнѣти естъ, противлѣшесѣмоу, а самѣхоташе всю землю ѿдержати, свадивѣшеса сами, и приѣхаша с великою гордынею. ЕдоучюДоброславоу во ѿдиносорочѣцѣ, гордашоу, ни на землю смотрашоу, Галичаном же текоущимѣоу стремени его. Данилови же видашоу и Василкови гордость его, болшоуувраждоу на нѣвоздвигоуста. Доброславоу же и Григориюѿбоимѣловащимѣ на сѧ. Слышав же Данилѣрѣчиихъ, яко полны соуть льсти, и не хотать по воли его ходити, и власть его иномоупредати, сомыслив же се братомѣ, поноужи же, видабезакониеихъ, и повелѣ его изоимати» [3. Стб. 788, 789, 790-791]. Итак, непопулярный князь смог одержать победу над могущественными общинными лидерами, только используя свой сакральный, по сути дела, авторитет.

Итак, в число ресурсов власти древнерусских князей входило обеспечение их безальтернативности для вечевой общины. Никакой посадник-боярин, не говоря уже о тысяцких или воеводах, даже посадник, связанный кровным родством с правящим княжеским родом, не мог сравняться с князем. Административными или полководческими способностями, или личной властью тех или иных конкретных князей, иными рациональными причинами, «равнением» на византийскую супрематию подобное явление объяснить невозможно. Перед нами – явная архаика, наследие языческой старины. Так, если князь попадал в плен, вечевая община обычно прекращала сопротивление, хотя и могла продолжать войну. Как к верховному арбитру к князю, даже к нелюбимому и собственному врагу, обращались и наиболее могущественные бояре. Чтобы достичь безальтернативности, древнерусские князья специально истребляли или изгоняли соперников, порой потенциальных. Таким образом, любой представитель княжеского рода представлял собой опасность для собственных родичей уже самим фактом своего существования. Наконец, дуализм верховной власти в Древней Руси – нерасторжимое единство веча (народа-войска) и князя – проявлялся также в том, что порой сами вечевые общины стремились к тому, чтобы их пригороды оставались без князей, дабы обеспечить своим князьям безальтернативность; действуя не только в интересах последних, но и в своих собственных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Летописец Переяславля Суздальского, составленный в начале XIII века (между 1214 и 1219 гг.). М., 1851.
2. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997.
3. ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998.
4. ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.
5. ПСРЛ. Т. 5. Софийская первая летопись. СПб., 1851. Т. 5.

6. ПСРЛ. Т. 9. Никоновская, или Патриаршая летопись. М., 1965.
7. ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949.
8. ПСРЛ. Т. 38. Радзивилловская летопись. Л., 1989.
9. *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2002.
10. Сказание о Борисе и Глебе. Факсимильное воспроизведение житийных повестей из Сильвестровского сборника (2-я половина XIV века). М., 1985.
11. Успенский сборник XII–XIII вв. / под ред. С. И. Коткова. М., 1971.
12. Чтение о житии и о погоублении и о чудесехъ святоую и блаженоую страстотерпцю Бориса и Глеба // Чтение в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1859. Кн. 1. Отд. 3.
13. *Boguphali II* episcopo Posnaniensis Chronicon Poloniae, cum continuatione Basconiscustodis Posnaniensis // Monumenta Poloniae Historica. Lwow, 1872. Т. 2.
14. *Magistri Vincenti* Chronicon Polonina // Monumenta Poloniae Historica. Lwow, 1872. Т. 2.
15. *Аулих В. В.* Историческая топография древнего Галича // Славянские древности. Киев, 1980.
16. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995.
17. *Гимон Т. В.* В каких случаях имена новгородцев попадали на страницы летописей (XII–XIII вв.)? // Древнейшие государства Восточной Европы. 2004 год. Политические институты Древней Руси. М., 2006.
18. *Горский А. А.* «Всего еси исполнена земля русская...»: Личности и ментальность русского средневековья: Очерки. М., 2001.
19. *Горский А. А.* Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004.
20. *Грушевский М. С.* Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891.
21. *Грушевський М.* Історія України-Руси. Київ, 1913. Т. 1.
22. *Дашкевич Н.* Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873.
23. *Дворниченко А. Ю.* К проблеме восточнославянского политогенеза // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995.
24. *Иловайский Д. И.* История России. Становление Руси. М., 1996.
25. *Ключевский В. О.* Соч.: В 9-ти т. М., 1987. Т. 1.
26. *Комарович В. Л.* Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1960. Т. 16.
27. *Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь в X–XI вв. М., 1964.
28. *Костомаров Н. И.* Исторические монографии и исследования. СПб., 1872. Т. 1.
29. *Котляр Н. Ф.* Древнерусская государственность. СПб., 1998.
30. *Кривошеев Ю. В.* О средневековой русской государственности. СПб., 1995.
31. *Лисюченко И. В.* Княжеская власть и народное ополчение в Древней Руси (конец IX – начало XIII вв.). Ставрополь, 2004.
32. *Мирончиков Л. Т.* Дохристианское жречество Древней Руси (старцы, старосты, волхвы): автореф. канд. дисс. Минск, 1969.
33. *Назаренко А. В.* Владимир Мономах и киевское столонаследие: традиция и попытка реформы // Древнейшие государства Восточной Европы. 2004 год. Политические институты Древней Руси. М., 2006.
34. *Пресняков А. Е.* Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993.
35. *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.
36. *Рыдзевская Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. М., 1978.
37. *Сергеевич В. И.* Вече и князь. М., 1867.
38. *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1894.
39. *Скрынников Р. Г.* История Российская. IX–XVII вв. М., 1997.
40. *Соловьев С. М.* Соч.: В 18-ти кн. М., 1993. Кн. 1.
41. *Соловьев С. М.* Соч.: В 18-ти кн. М., 1998. Кн. 2.
42. *Татищев В. Н.* Собр. соч. М., 1995. Т. 4.
43. *Филист Г. М.* История «преступлений» Святополка Окаянного. Минск, 1990.
44. *Фортинский Ф. Я.* Титмар Мерзебургский и его хроника. СПб., 1872.
45. *Фроянов И. Я.* Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995.
46. *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980.
47. *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988.
48. *Шахматов А. А.* Разыскания о русских летописях. М.; Жуковский, 2001.
49. *Щапов Я. Н.* Большая и малая семьи на Руси в VIII–XIII вв. // Становление раннефеодальных славянских государств. М., 1972.
50. *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962.
51. *Vernadsky G. V.* Kievan Russia. New Haven; London, 1976.

*I.V. Lisuchenko***POWER RESOURCES OF OLD RUSSIAN PRINCES: LACK OF ALTERNATIVES**

The power resources of the princes of Ancient Russia were to ensure the lack of alternatives to their power, which relied on special features of the political and legal culture of the society under study. A boyar could never come up with a prince. This phenomenon cannot be explained by rational reasons, it is the heritage of pagan antiquity. To achieve that there was no alternative to their power, the old Russian princes sometimes specially exterminated or drove out rivals, even potential ones. Any member of the princely family was a danger to their relatives and the very fact of its existence. Sometimes Veche communities themselves sought to ensure that there were no alternatives to their princes. They did it not only for the benefit of the latter, but also for their own benefit.

Keywords: ancient Russia, power resources, princely power, lack of alternatives, council, community.

Лисюченко Игорь Васильевич,
кандидат исторических наук, доцент
кафедры государственно-правовых,
общегуманитарных и социальных дисциплин
Ставропольский филиал Московского
государственного педагогического университета
355000, Россия, г. Ставрополь, ул. Доваторцев, 66г
E-mail: tigerris@yandex.ru

Lisuchenko I.V.,
Candidate of History, Associate Professor
at Department of Public Law, Humanities
and Social Disciplines
Stavropol Branch
of the Moscow State Pedagogical University
Dovatorstev st., 66g, Stavropol, Russia, 355000
E-mail: tigerris@yandex.ru